

БАЛАНС БАНКРОТСТВА

Во французском еженедельнике литературы и искусства «Марианн» печатается серия статей известного деятеля театра Шарля Дюллена о кризисе театральной культуры. Мы печатаем отрывок из статьи Дюллена.

...Публика в театре всегда разнообразна. Что же ее различает? Не поиски удовольствия, но качество удовольствия. Я не сомневаюсь, что народные зрелища существовали везде и во все века. Толстая Марго предпочитала забавляться веселой шуткой ярмарочного балагана, чем унылым созерцанием мистерии Нотр-Дам. Что может быть поэтичнее и художественнее, чем народная песня? Народ, как ребенок, обладает чувством игры, которое он теряет, старея; у него остается только потребность в развлечении, смешанном с сентиментализмом самого низкого пошиба, преобладающих теперь в кино.

И в наши дни публика приходит в театр в поисках развлечений. Весь мир хочет рассеяться. Но не следует думать, что современная публика содействует успеху «Вольпоне» или «Ричард III». Нет публика «жирных» всего только вознесла «Роз-Мари», прошедшую 800 раз в сезоне.

Театр, подобно кинематографу, постепенно, шаг за шагом превратился в раба низменных инстинктов. Лучшая публика отвернулась от театра. Это страшно... Какие эмоции могут вызвать гнилая чувствительность и пустые ребячества современного театра, театра с подточенной сердцевинкой, но в пышных одеждах?

После каждого артистического конкурса мы неизменно слышим: нет больше трагических актрис!

Некоторые критики пытаются из этого извлечь положительные выводы. Выводы эти ошибочны. Я вижу в оскудении актерства признаки великой опасности, столь же великой, как и та, которая угрожает нашей драматической литературе.

Благородный актер — «герой», который соединяет в себе молодость и пластическое совершенство, выражение мужественных чувств и охоруженность великими страстями; героиня, которая может быть Дездемоной, Андромахой, леди Макбет и Федрой, — покинула сцену, унесла великое обаяние театра. Современной комической актрисе, как бы соблазнительна она ни была, молному теперь любовнику-спортсмену никогда не заполнить этой пустоты.

Сарра Бернар и Режан во времена столь близкие и далекие от нас, когда смешение жанров еще не разрушило традицию театра, олицетворяли две маски, которые видны теперь только на фронтонах старых театров: комедия и трагедия.

Говорят, что больше нет трагических актеров, потому что трагик не мог бы заработать себе на жизнь. Правда, можно также сказать, что публика потеряла вкус к трагедии, потому что не стало великих трагиков. Ссылки на материальную необеспеченность актеров здесь мало существенны. Кризис, резко сказавшийся на заработке рядового актерства, насколько не отразился на астрономических гонорах «звезд». Здесь существует диспропорция чудовищная и притом несколько не соответствующая действительной художественной одаренности. Когда соблюдают строгую дистанцию между гением, действительным талантом и честным ремеслом, — это справедливо. Но когда «кинозвезда» получает 300 тысяч франков за фильм, которая идет в прокате месяца, а драматическая актриса с равным талантом должна довольствоваться 80 или 100 франками в день, то это действительно вызывает негодование.

«Кинозвезда» — плод чудовищной безвкусицы — истос порождение нашей эпохи. Но это не делает ей чести.

Если бы драматический актер мог быть уверенным в том, что он в продолжение всего сезона будет зарабатывать по 80—100 франков, было бы еще терпимо, но такой уверенности нет. Большинство актеров ангажировано «а la piece» (как только пьеса сойдет с репертуара, актер увольняется из театра).

К тому же исчезновение провинциальных трупп и летний перерыв привели к тому, что половину года актер вовсе не занят в театре.

Современный репертуар французского театра не знает ролей для трагического актера. Если бы во Франции вздумали сейчас ставить античную трагедию, елизаветинскую драму, французскую классическую трагедию или трагедию, которая может быть завтра написана, то оказалось бы, что во Франции нет трагических актеров.

Прекраснейшие театры Франции похожи на опустевшие церкви. В этом балансе банкротства положение провинциального театра вызывает особый пессимизм. Именно там, к сожалению, достигло пределов развращение публики, поощряемое самыми низкими произведениями плохого театра и плохого кинематографа.